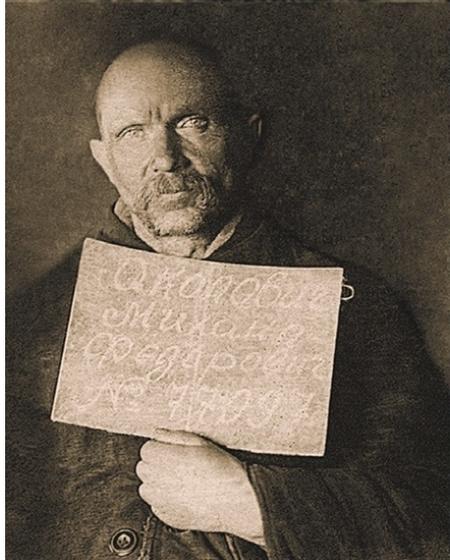
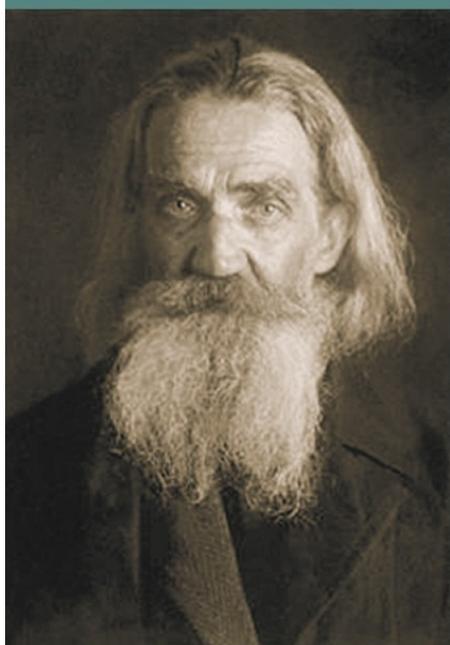

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ
документы, воспоминания, свидетельства

Я ПОКА ЕЩЕ ЖИВ

Новомученики и исповедники

**Я пока еще жив.
Новомученики и исповедники**

Православное издательство "Сатисъ"

2014

Я пока еще жив. Новомученики и исповедники / Православное
издательство "Сатись", 2014

ISBN 978-5-7868-0121-8

В этой брошюре – жизнеописания новомучеников. Несколько трагически
завершившихся судеб из многих тысяч замученных и расстрелянных наших
соотечественников, оказавшихся ненужными новой власти. Их вина состояла
лишь в том, что они верили в Бога и жили по законам любви и милосердия.

ISBN 978-5-7868-0121-8

, 2014
© Православное издательство
"Сатись", 2014

Содержание

Предисловие	6
Платава: расстрелянное село	7
Я сам подписал себе ордер	11
Слепой поводырь для зрячих	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Я пока еще жив.
Новомученики и исповедники
Составители Дмитрий
Михайлов Татьяна Краснянская**

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозжского

ВЛАДИМИРА

Предисловие

За что формально судили верующих?

Государственная идеология советского периода не признавала ни Церкви, ни Христа. Уже одно присутствие Церкви в мире, с позиции власти, было направлено против нее. В середине 20-х гг. XX в. с целью уничтожения Русской Православной Церкви ОГПУ были созданы в ней обновленческий и григорианский расколы. Обновленческие и григорианские архиереи и клирики были запрещены в священнослужении Священноначалием Русской Церкви. В 1940-х годах раскольничьи были упразднены НКВД, признавшим их деятельность для целей государства неэффективной.

Право безгласного существования Церкви было прописано в Конституции – наследии европейского Просвещения, а с ним связывали свое идейное прошлое большевики. И духовенству и верующим всегда предъявлялось обвинение в антигосударственной деятельности, в деятельности, направленной против существовавшей тогда власти. А поскольку власть в то время была советская – то в антисоветской деятельности и антисоветской пропаганде. И только в редких случаях в предъявляемых обвинениях хотя как-то говорилось о вере.

Платава: расстрелянное село

2 августа – день памяти преподобномученика Космы (Вязникова), убитого ни за что

Русскому народу в последние столетия не раз приходилось бороться за свою независимость и веру, зачастую жертвуя жизнями лучших своих представителей. Иногда эта борьба кончалась внешним поражением, иногда, как в Великую Отечественную войну, – победой. А иногда она была единственным шансом иметь надежду на будущее. В 1920-х годах это была борьба с пришедшими к власти большевиками, насаждавшими чуждую идеологию и нещадно эксплуатировавшими страну. Никто из живших в те годы не мог избрать обстоятельств для своей жизни, а мог лишь ответить себе на вопрос, как в этих обстоятельствах поступить. Но, как мы видим, и отказавшийся от Церкви, и сохранивший ей верность могут иметь на земле почти одну и ту же участь. Хитрить в деле спасения своей души и бесполезно, и грешно.

В конце 1920-х годов руководство Советской России повело массированное наступление на крестьян, в особенности тех областей, которые входили в состав Центрально-Черноземной области.

10 декабря 1929 года в селе Платава Воронежской области, где проживало в то время 3 835 человек, было создано коллективное хозяйство. Власти потребовали от крестьян отдать в него значительную часть своего имущества, причем в колхоз не были допущены те, кого власть считала зажиточными, семьи таких крестьян предполагалось выселить за пределы области, а их имущество – конфисковать. Действия властей вызвали недовольство крестьян. 26 января 1930 года, когда власти устроили общее собрание бедноты для принятия решений относительно проведения сельскохозяйственных работ, оно было сорвано: возмущенные люди не хотели обсуждать предложенный план насильственных мероприятий, не удалось даже приступить к обсуждению вопросов из-за шума, который подняли женщины. 27 января власти вновь собрали жителей, предполагая, что на этот раз им все же удастся провести собрание. Однако возмущенные насилием крестьяне отказались впрягаться в рабский хомут. На следующий день

власти сделали еще одну попытку провести собрание, но и на этот раз крестьяне энергично выразили протест.

29 января с 7 часов утра крестьяне начали разбирать из колхозной конюшни своих лошадей по домам, причем часть членов сельсовета встала на их сторону. Уполномоченный по проведению коллективизации и один из членов сельсовета стали ходить по домам крестьян, требуя, чтобы те объяснили свои действия, но их повсюду встречали, как бандитов и насильников, и, в конце концов, они, почувствовав угрозу расправы, бежали. Вскоре в село прибыл местный милиционер, но жители не допустили его вмешиваться в происходящее. Прибывший ночью с 29 на 30 января вооруженный отряд арестовал 13 человек. Наутро перед зданием сельсовета собралась толпа человек в пятьсот, люди задержали председателя сельсовета, потребовав от него, чтобы он отдал распоряжение об освобождении арестованных, он это сделал, и все были освобождены.

В ночь с 30 на 31 января крестьяне провели по домам собрания, избрав старосту села и писаря. В сознании восставших их борьба связывалась с отстаиванием веры Христовой. «Если придет отряд, лучше помереть за веру Христову, но не за антихристову», – говорили они.

На подавление крестьянского восстания были брошены отборные силы ОГПУ. Местные коммунисты и активисты составили список людей, которых предполагалось арестовать, в него вошли имена 172 человек, они же показывали, где кто живет. Красноармейцы не принимали в этом участия: власти не вполне доверяли подавление восстания армейским частям. Село было блокировано четырьмя отрядами ОГПУ, в каждом из которых было от 30 до 40 человек, вооруженных не только винтовками, но и пулеметами. К селу они подошли в субботу вечером 1 февраля, но штурм был отложен на дневное время, так как приехавшие совершенно не знали местности.

В середине января, незадолго до праздника Богоявления Господня, настоятель храма священник Алексей Рыльцевич отказался служить. Впоследствии он заявил: «мои убеждения в части религии давно изменились, и я наконец решил покончить со своим саном». Крестьяне, однако, не захотели остаться совсем без богослужений и привезли из соседнего села Скорицкого священника Григория ГЦитковского, высланного в Воронежскую область с Украины. В ночь с 1 на 2 февраля состоялась всенощная, закончившаяся Литургией, за которой причащались святых Христовых Таин многие жители села.

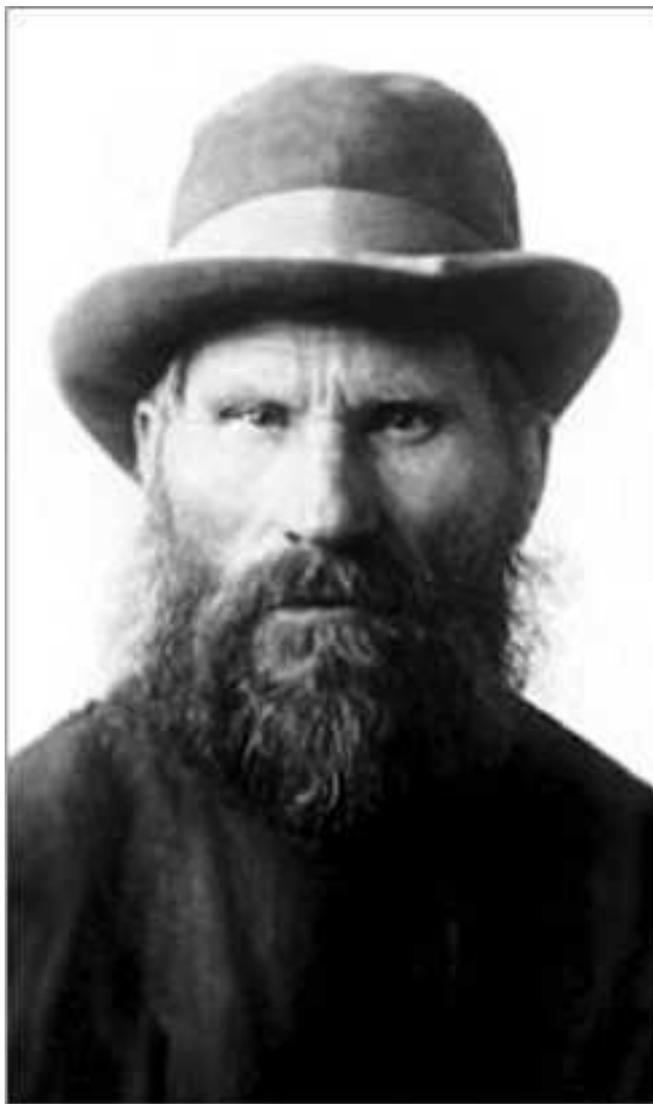
Штурм села Платава начался в воскресенье, 2 февраля, после полудня. Отряд, въехавший в село, уже на окраине встретили толпы народа – мужчины, женщины и подростки. Каратели стали захватывать и арестовывать вышедших им навстречу людей.

Коммунисты и активисты, продвигаясь вдоль улицы, кричали, чтобы никто не выходил из дома, иначе будет незамедлительно арестован. Были установлены вооруженные посты на дорогах, ведущих в другие села и деревни. Со списком лиц, намеченных к аресту, отряд сотрудников ОГПУ медленно продвигался по улицам села, столкнувшись с упорным сопротивлением крестьян, которые с вилами, топорами и винтовками вышли навстречу. Отряд ответил выстрелами вверх голов, но люди не остановились, и был призван на помощь сидевший в засаде отряд, вооруженный пулеметом. Была открыта стрельба по людям, появились убитые и раненые, и толпа стала разбегаться. В этот день в селе было арестовано 110 человек. Началось раскулачивание, конфискация крестьянских хозяйств и выселение семей.

На следующий день состоялся расширенный пленум членов Платавского сельсовета, который, составив списки из десятков крестьянских семей, постановил «просить вышестоящие органы о выселении их из пределов Центральной Черноземной области».

8 февраля сотрудники ОГПУ арестовали священника Алексея Рыльцевича. Несмотря на то, что он отказался служить, его обвинили в том, что отказался он от совершения богослужений «с целью создания враждебного отношения к советской власти». Был арестован и священник Григорий ГЦитковский, и приехавший вместе с ним из соседнего села диакон, их

обвинили в том, что они «с 1 на 2 февраля – целую ночь совершали в церкви службу за упокой советской власти, на которой присутствовали главным образом кулаки села и женщины». Не перенеся уз, отец Григорий скончался по дороге в тюрьму.

Иеромонах Косма (Вязников)

Среди арестованных по обвинению в участии в крестьянском восстании был и иеромонах Косма (Вязников), знавший некоторых из священнослужителей и мирян, арестованных по тому же делу.

2 августа Церковь чтит его память.

* * *

Преподобномученик Косма родился в 1872 году в селе Старо-Никольское Воронежской губернии в семье крестьянина Трофима Вязникова. Поступив в монастырь послушником, он подвизался в нем до его закрытия в 1926 году. В монастыре он был пострижен в монашество и рукоположен во священника. С 1926 года он стал служить в одном из приходов в Богучарском районе Воронежской области. В ноябре 1929 года переехал на родину, в село Старо-Никольское, и поселился в доме сестры, зарабатывая портняжничеством. О жизни преподоб-

номученика Космы мы знаем не так уж много. Но до нас дошли его слова, сказанные следователю после ареста по платавскому делу: «Я придерживаюсь монашеской жизни. Я как монах твердо исполняю монашеский устав. До гражданской власти я не касаюсь. Власть свое делает, а я свое... Проживая в своем селе, я кроме дома и церкви, никуда не ходил, этому воспитал меня монастырь. Никаких знакомых я там не имел и ничем не интересовался, другой личной жизни у меня не было, я знал только свой дом и церковь, что меня удовлетворяло. Разговоров о гражданской жизни я ни с кем никогда не касался. Вот если кто-либо принесет сшить что-либо, я кроме цены, двух слов, ничего не говорил. Разговор с ними был лишь иногда, и то лишь исключительно о монастырской жизни».

28 июля 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила часть обвиняемых по платавскому делу к расстрелу. 2 августа их погрузили в машину и отвезли в окрестности Воронежа, где объявили приговор, и в тот же день в 10 часов вечера они были расстреляны. Среди них – и иеромонах Косма.

Я сам подписал себе ордер

24 марта священноисповедника Василия Малахова

В документах, которые были найдены сотрудниками ОГПУ во время обыска и сочтены доказательством преступных действий священника Василия Малахова, были письма, адресованные им разным людям, по большей части священникам. «Вы говорите, как разобраться полуграмотному попу во всех дрязгах обновленцев с тихоновцами? – писал протоиерей Василий в одном из писем. – Нечего и разбираться – надо только идти прямым путем и иметь чистую совесть. Логика простая: теперь смута, разные споры, новые проекты и тому подобное. Если я вмешаюсь во все это, легко могу заблудиться. Я исповедую свою веру во Святую Церковь. Она всегда была, есть и будет до скончания века. И наша Русская Церковь – святая, что доказывается сонмом великих праведников, бывших в ней, из коих один недавний – преподобный Серафим. Поэтому буду и я верно держаться Предания. В основу возьму святое Евангелие, а в руководство “Кормчую”, или “Книгу правил”. Тогда я буду спокоен. Тогда я не погрешу...

Василий Яковлевич Малахов

Ничто человеческое не постоянно. Никогда пастырь не может положиться и на своих пасомых, на их преданность ему. Одна только есть незыблемая скала на земле – Церковь Христова. Ее должен, несомненно, и держаться каждый, соблюдать веру и верность ей. Тогда он может быть вполне уверен, что Великий Кормчий Церкви не оставит его в беде. Это – истинно, неоспоримо. Только вера! Хоть маковое зернышко! Не смущайся временными бедствиями и “будь верен до смерти”...»

* * *

Священноисповедник Василий родился в 1873 году в деревне Дуброво Витебской губернии в семье белорусского крестьянина Иакова Малахова. По окончании духовного училища он поступил в Витебскую духовную семинарию, окончив которую в 1894 году, намеревался продолжить духовное образование, но для этого необходимо было выйти из крестьянского сословия. Крестьянское общество, к которому он принадлежал, выслушав «прошение крестьянина... деревни Дуброво Василия Яковлевича Малахова о выдаче ему увольнительного свидетельства для продолжения образования», постановило удовлетворить его просьбу. В свою

очередь, Василий Яковлевич обязался по прибытии в Московскую духовную академию не отказаться «от вступления в нее, а по окончании академического курса – от вступления на духовно-училищную службу».

В 1898 году Василий окончил Московскую духовную академию. Обучаясь за казенный счет, он был обязан за четырехлетнее обучение прослужить шесть лет в духовно-учебном ведомстве, откуда он не мог уволиться без разрешения Святейшего синода. В 1899 году Василий Яковлевич был назначен преподавателем в Волынскую духовную семинарию, где с 1903 года стал исполнять обязанности инспектора. В 1919 году семинария была закрыта пришедшими к власти большевиками, и Василий Яковлевич был приглашен преподавать в Житомирском училище пастырства, но в 1922 году оно также было закрыто. В 1924 году он был рукоположен во священника к Иаковлевской церкви в Житомире и вскоре возведен в сан протоиерея.

В 1926 году стало известно, что священник приходского храма в селе Тиосто, находящемся в двух верстах от его родной деревни Дуброво, отказался от служения Церкви, и отец Василий в ноябре 1926 года вернулся на родину и по избранию прихожан и благословению правящего архиерея был назначен настоятелем этого храма.

В июле 1927 года помощник лесничего направил донос начальнику районного отделения милиции, в котором писал, что священник Василий Малахов «является контрреволюционером, которому не только нельзя жить в тайном углу Меженского района, а в пределах СССР».

13 декабря 1927 года отец Василий был арестован. Обыск в квартире и сообщение об аресте он встретил спокойно, заявив сотруднику ОГПУ: «Я принял сан священника недавно, но я принял его совершенно сознательно, хорошо понимая, что я этим самым подписал себе ордер ГПУ на право у меня обысков и ареста, а возможно и ссылки».

Вызванный на допрос и отвечая на вопросы следователя, отец Василий сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю... О скором падении советской власти не только никогда не говорил, а напротив, и с церковной кафедры, и в частных разговорах говорил о... необходимости поминовения власти... Свой арест считаю непонятным для себя, и невольно является мысль, что моя энергичная пастырская деятельность могла возбудить против меня местные неверующие круги, которые сделали на меня донос, обвиняя в политических преступлениях».

14 января 1928 года следователь вызвал на допрос в качестве свидетеля обвинения заведующего избой-читальней, и тот показал: «Был такой случай. Староста церковный приходит в наш кооператив и спрашивает у председателя: есть ли у вас дешевенькие платочки головные; на вопрос: зачем, он ответил, что батюшка хочет подарить их девушкам, которые ходят петь в церковь... В 1926 году на Рождество, как мне передавали, Малахов в проповеди перед народом выразился так: “Мы сегодня не будем вспоминать Калининных и Червяковых, а будем вспоминать нашего дорогого Господа Иисуса Христа...”».

28 февраля 1928 года отец Василий направил в ОГПУ заявление, в котором писал: «13 декабря минувшего года я был арестован агентом Витебского ОГПУ; с того времени уже два месяца томлюсь в исправдоме... Все это время я внимательно относился ко всему происходящему, тщательно анализировал свою минувшую жизнь в отношении ее политической благонадежности, старался проникнуть в суть предъявленного мне обвинения – и тем не менее доселе никак не мог понять: за что я арестован, в чем меня обвиняют?.. Внук и сын бедных крестьян, я на примере своих деда и отца видел произвол власти помещиков, видел многие неправды бывшего социального строя, на себе самом я испытал, как трудно было мне, крестьянскому мальчику, пробивать себе дорогу! В годы учения сколько приходилось мне переносить незаслуженных обид, проглотить горьких слез! С детства, с молоком матери в мою кровь всосались, с одной стороны, отвращение ко всякому насилию, ко всякой социальной несправедливости, социальному неравенству, с другой стороны – любовь к народу... Я жил и служил всегда с мыслью окончить жизнь у себя на родине... За тринадцать месяцев службы я старался принести

посильную пользу своему родному приходу. Не умолкая, я звал своих пасомых быть хорошими христианами и честными гражданами, чуждыми современных недостатков: нравственной распущенности, хулиганства, бандитизма и тому подобного. Особенно я звал к этому молодежь... Конкретных обвинений в том, что я возбуждаю население к массовым волнениям... на следствии мне не было предъявлено...

Возможных наказаний и лишения я не боюсь, но, прежде всего и больше всего, я ищу правды. Я верю, что эта правда есть и высшая власть ее мне окажет».

18 мая 1928 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Василия Малахова к трем годам ссылки в Сибирь, и он был направлен этапом в город Нижнеудинск. 30 мая 1931 года он был приговорен к лишению права проживания в двенадцати городах и областях. После того как кончился срок ограничения места жительства, священник с супругой Марией уехали в местечко Усвяты, неподалеку от деревни Дуброво. Здесь отец Василий стал служить у себя дома, псаломщиком во время богослужений была его супруга.

Из Усвят священник с супругой иногда ездили в Москву, где отец Василий заходил в храм в честь святых мучеников Адриана и Наталии; настоятелем здесь служил священник, знакомый ему по Волынской духовной семинарии.

8 февраля 1936 года отец Василий зашел в храм, где встретил служившего здесь диакона. Немного побеседовав с ним, отец Василий ушел, а на следующий день он и его супруга были арестованы и заключены в Бутырскую тюрьму в Москве.

– Ваше отношение к советской власти и ее мероприятиям? – спросил его следователь.

– Советскую власть я признаю и подчиняюсь ей, но, как христианин, очень сокрушаюсь, что при советской власти закрываются храмы и постепенно уничтожаются христианские святыни, ввиду общего оскудения веры. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, – ответил священник.

16 апреля 1936 года Особое Совещание при НКВД приговорило отца Василия и его супругу к пяти годам ссылки в Северный край, и они были отправлены сначала в Архангельск, а затем в город Каргополь Архангельской области. Протоиерей Василий Малахов скончался 24 марта 1937 года в ссылке в городе Каргополе и был погребен в неизвестной могиле.

Слепой поводырь для зрячих

29 июля – день памяти блаженной исповедницы Матроны Анемнясевской

Блаженная Матрона была неграмотной и слепой и без посторонней помощи передвигаться не могла, однако 23 июня 1935 года сотрудник НКВД выписал ордер на ее арест. Заместитель прокурора области распорядился допросить ее дома.

«Скажите, по каким вопросам и за какими советами обращались к вам верующие и что вы им говорили?» – спросил ее следователь. «Действительно ко мне как пользующейся среди верующих авторитетом блаженной и прозорливицы обращалось множество народа с разными вопросами, главным образом, по бытовым вопросам, на которые я давала соответствующие ответы. Спрашивали меня также о том, вступать ли в колхоз и тому подобное, но я на это отвечала, что не знаю, вы зрячие и вам виднее, как поступить.

В предъявленном мне обвинении виновной себя не признаю. Действительно, меня ежедневно посещает много почитателей, но я их не приглашала и против советской власти ничего не говорила».

Блаженная Матрона не могла прочесть то, что с ее слов записал следователь, не могла она и расписаться, и потому подтвердил ее слова своей подписью живший по соседству некий Федин, который был приглашен в качестве понятого.

Спустя некоторое время после допроса к дому, где жила блаженная, подъехала машина, чтобы увезти ее. Отовсюду к дому стал сходить народ, и вскоре перед ним собралась внушительная толпа.

«Идите отсюда! Идите! А то и вас всех на машину посадим и увезем вместе с ней!» – пригрозил собравшимся председатель колхоза.

Народ, однако, не расходился. Председатель вошел в дом, прошел в комнату, где лежала блаженная, и, подняв ее с дощатой кровати, стал выносить. Остановившись в дверях, он с удивлением сказал: «Какая же ты легонькая!» – «Такие-то у тебя дети будут легонькими!» – ответила на это Матрона.

Народ, стоявший вокруг, оцепенел от нелепости происходящего. Блаженную Матрону увезли, а вскоре люди заметили, что двое малолетних сыновей председателя перестали расти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.